

Важно подчеркнуть и следующее. Поскольку речь идет о художественном творчестве, то сам «факт трансляции через века и тысячелетия знаний, сохраняющих свою онтологическую суть в разные эпохи, однако остается по-прежнему некой внутренней тайной искусства слова» [7, с. 117]. Приобщение же к такого рода тайне в созданных выдающимися писателями русской эмиграции произведениях неоценима для читателя.

Литература

1. Арсеньев Н.С. Из русской культурной и творческой традиции. – Лондон, 1992. – 305 с.
2. Арсеньев Н.С. Русская семейная культура и ее религиозные корни // Православие в жизни: сб. ст. под ред. С.Верховского. – Нью-Йорк: изд. им. А.П. Чехова, 1953. – С. 223–234.
3. Булгаков С.Н. Моя родина // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – С. 363–374.
4. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. – М.: Кругъ, 2004. – 560 с.
5. Иванов Вс.Н. Мать Волга // Иванов Вс.Н. Рерих – художник-мыслитель. – М.: Советский писатель, 1991. – С. 298–308.
6. Кодзис Б. Литературные центры Русского Зарубежья: 1918-1939: Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание / Кодзис Бронислав; ред. серии W. Kasack. – Munchen: Verlag Otto Sagner, 2002. – 320 с.
7. Кузьмина С. Русская литературная традиция и онтологическая поэтика в системе реализма и постмодернизма // Problemy wspolczesnej komparatystyki. – Poznan, 2004. – С. 107–117.
8. Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000. – 464 с.

V.T. Zakharova

ARTISTIC INTERPRETATION NATIONAL CONSCIOUSNESS IN JOURNALISM OF THE RUSSIAN EMIGRATION OF THE FIRST WAVE (S.N.BULGAKOV, VS.N.IVANOV)

Abstract. The article is devoted to the problem of artistic understanding of national consciousness in the journalism of Russian emigration of the first wave. The object of the research is the journalistic texts of o. S.Bulgakov, Vs.Ivanov. The analysis allows us to understand how much attention of writers to the substantive principles of national life, to the spiritual nature of Russian life caused the importance of their works on the scale of “dialogue in the great time” (M.Bakhtin). On the selected examples of emigrant journalism reveals the diversity of artistic understanding of the national consciousness in its modern manifestations of the authors, in its deep origins.

Keywords: literary emigration; journalism; national consciousness; spirituality; traditions.

УДК 821.161.1

Т.А. Савоськина (Измаил)
**ОБРАЗ ЛОТОВОЙ ЖЕНЫ
В ЖАНРАХ «ВТОРИЧНОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию диалогических связей между ветхозаветной легендой о Лотовой жене и жанрами «вторичной» литературы. Анализируется соот-

ношение «своего» и «чужого» в жанрах религиозной литературы и поэтических жанрах XX века светской литературы. Рассматриваются мотивы исхода, оглядывания и окаменения в библейском тексте и текстах-реципиентах. Резюмируется, что «вторичный» текст либо сохраняет библейский претекст как культурную ценность с ее этическими доминантами, либо трансформируется, приобретая новые коннотации, обусловленные авторским сознанием своего времени.

Ключевые слова: Лотова жена; ветхозаветный претекст; текст-реципиент; «вторичная» литература; диалогические отношения; оппозиция «свое»-«чужое»; авторское сознание.

Библия была и остается неисчерпаемым источником продуцирования многочисленных репрезентаций образов и сюжетов в мировой художественной литературе, представляющих ценностный материал для литературоведческих исследований. Библейский претекст как динамический конструкт по отношению к вторичному тексту выступает объектом специального изучения в научных трудах Ефимовой Д.А., Орловой Н.М., Ремпель Е.А., Шалкова Д.Ю., Шубина С.Н. и мн. др. [4, 13, 16, 17]. Осмыслению библейской прецедентности в литературных текстах посвящена и данная статья, цель которой – раскрыть диалогические связи между ветхозаветной легендой о Лотовой жене и жанрами «вторичной» литературы.

Лотова жена – один из поучительных и трагических библейских образов, вариативно осваиваемых в литературе. Об этой женщине в Ветхом Завете мало сказано: неизвестно, где она родилась, какому роду принадлежала, где и когда произошла ее судьбоносная встреча с Лотом. Обращает на себя внимание и отсутствие собственного имени. Основным источником информации выступает лишь двухсловная женская антропонимическая формула – Лотова жена, – представленная личным именем мужа в притяжательной форме со словом «жена». Но именно в этой антропонимической модели содержится глубокий смысл. Развернутое женское именование указывает на родственную связь со значимыми именами по мужской линии: она жена праведника Лота, племянника патриарха Авраама, у которого заключен Завет с Богом. Благодаря этой родственной связи безымянная женщина становится избранницей Бога, который через Ангелов осуществляет исход семьи Лота из нечестивого города перед его уничтожением: Ангелы, по милости Господней, «взяли за руку его, и жену его, и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города. Когда же вывели их вон, то один из них сказал: спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть» [Быт.19: 16–17]. Тема спасительного исхода из жилища разврата непосредственно связана в ветхозаветном тексте с проблемой выбора. Испытательная заповедь Божия «спасайся на горе», не останавливайся и не оглядывайся ставит библейских героев перед дилеммой: следовать за Богом-Творцом или действовать по воле своей. Лот вместе с дочерьми без сожаления покидает Содом, устремляясь душой к Богу, хотя и не вполне доверяет ему, но тем не менее осуществляет движение вперед. Жена его, напротив, останавливается в своем движении и оглядывается назад, на город праздности и разврата, превращаясь тотчас в соляной столп. Парадоксальность ситуации с Лотовой женой заключа-

ется в том, что, получив спасение по Божьему благодеянию, она сразу же погибает на пути своего избавления. Мотивы ее рокового поступка и причины Божьего наказания в Ветхом Завете не объясняются, но приоткрываются благодаря смысловым аллюзиям истории грехопадения Евы, пронизывающей повествование библейской притчи. Общий типологический ряд образуется благодаря сходству сюжетной модели «духовного испытания» с последующей ситуацией грехопадения и Праведного наказания. В обеих историях действие Божье направлено на испытание человеческого произволения, их духовно-нравственного расположения через малый запрет: Адаму и Еве не вкушать плодов от запрещенного дерева, семье Лота, покидая Содом, не оборачиваться назад. Испытание связано с некой провокацией от падших духов и нечестивых людей, имеющих целью расположить человека к греху. Так, искусителем Евы становится падший ангел в облике змея, а жены Лота – Содом, которым правит дьявол. Сила тьмы пробуждает в душе Евы первую греховную страсть, устойчиво закрепившуюся впоследствии в женском характере, – это чувство любопытства, которое неизбежно чревато соблазном постичь какую-либо тайну, узнать и услышать о ней даже с учетом и несущественных подробностей. Оказавшись перед запретным деревом, Ева с любопытством и восхищением рассматривает плоды, задаваясь вопросом, почему Бог так безусловно и определенно запретил не только есть их, но даже прикасаться к ним. Её любопытство еще больше возрастает под магией лстивых слов змея, склоняющего Еву сорвать и вкусить запретный плод, чтобы получить знание о добре и зле и стать равной Богу. Согрешив, она становится могучим орудием в руках дьявола и причиной падения Адама. Греховный ген «природного» любопытства унаследовала от своей прародительницы и жена Лота. Назойливое желание проникнуть в Тайны Всемогущего Бога, заставляют ее оглянуться, чтобы собственными глазами увидеть, какая кара снизошла с небес на любимый Содом, которому принадлежало ее сердце.

Типологические схождения двух библейских историй дают ключ к пониманию назидательного смысла Праведного наказания: изгнание из рая Адама и Евы и превращение в соляной столп Лотовой жены. Господь карает «венец своего творения» за то, что его человеческие создания возжелали «быть более в своей власти, нежели в Божией», и тем самым допустили и хуление святости, ибо не поверили Богу, и человекоубийство, ибо себя подвергли смерти, и духовный блуд, ибо подчинились дьявольскому соблазну, и любовь к богатству, ибо хотели большего, чем имели» [14]. Таким образом, невинное, на первый взгляд, женское любопытство положило начало целой веренице греховных страстей, противоположных и богоборческих, явившихся в дальнейшем деятельным началом в человеческом естестве.

Примечательны в этом контексте размышления М.Ю. Лермонтова о духовной опасности любопытства в его незавершенной повести «Штосс»: «...любопытство, – рассуждает повествователь, – говорят, сгубило род человеческий, оно и поныне наша главная, первая страсть, так что даже все остальные страсти могут им объясняться. Но бывают случаи, когда таинственность пред-

мета дает любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному с горы сильною рукою, мы не можем остановиться, хотя видим нас ожидающую бездну» [8, с. 599].

В этом смысле образ застывшей фигуры жены Лота на все времена остается культурно-историческим памятником человеческого грехопадения, содержащим такие ключевые смысловые кванты, как «любопытство», «непослушание», «гордыня», «любовь к богатству», «человекоубийство». Как литературная эпитафия на «памятнике неверной душе» воспринимаются стихотворные строки позднеримского христианского поэта IV–V веков, автором которых, по предположению М.Б. Мейлаха, является Киприан Галл:

*in fragilem mutata salem stetit ipsa sepulchrum,
ipsa et imago sibi, formam sine corpore servans*

(Став ненадежною солью, стоит бестелесным обличем – сама себе надгробие, сама себе статуя) [9, с. 18].

«Вспоминайте жену Лотову» [Лк. 17:32], – предупреждал Иисус Христос не только своих учеников, но и всех христиан, пробуждая нашу медлительную память на пути спасения. Не оглядывайтесь назад, ибо «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» [Лк. 9:62].

Как же вспоминают Лотову жену в различных жанрах литературы? Интерпретация библейского образа во вторичных текстах во многом обусловлена характером диалогических отношений, осуществляемых по принципу «свое» и «чужое». С этой точки зрения интересным представляется выяснить, какие ценностно-смысловые установки ветхозаветного образа актуализируются в текстах-реципиентах.

Так, в жанрах религиозной литературы «свое» предстает как преобразованное «чужое», но в системе общих ценностных координат. Так, у христианского теолога и Александрийского проповедника Оригена в пятой гомилии на книгу Бытия Лот воплощает разумность мужественного духа, постоянно напрягающего свои усилия, чтобы спастись, а его жена «плоть», постоянно устремляющая свой взор на пороки. Созвучная трактовка библейской притчи в раннехристианском жанре гомилии Оригена наблюдается и в Великом покаянном каноне св. Андрея Критского, принадлежащем к одному из крупных гимнографических жанров.

Ветхозаветная ситуация «Лот и его жена» находит семантические рефлексии в одном из тропарей третьей песни Великого канона, читаемой в четверг первой седмицы Святого и Великого поста: «Не буди столп сланный, душе, возвратившись вспять, образ да устрашит тя содомский, горе в Сигор спасайся» («Обратившись назад, не сделайся, душа, соляным столбом, да устрашит тебя пример содомлян, спасайся горе в Сигор») [3, с.138]. Как видим, этот фрагмент церковной поэзии выступает здесь не изолированно, а в диалогических отношениях с библейским претекстом; контактные связи между ними осуществляются благодаря включению в поэтический текст ветхозаветных образов: «соляного столпа», «горы» и «Сигора», имплицитно воссоздающих ретроспективный

план истории Лота и его жены. В логике этого образного ряда, выстроенного по принципу антитезы, актуализируется важная для религиозного дискурса Священного Писания проблема всеобъемлющей борьбы между Богом и силами тьмы. В рецепции автора Великого Канона, соляной столп, олицетворяющий остолбеневшую жену Лота, воплощает земные порочные страсти, сжигающие души людей, как геенский огонь содомлян. Образ горы и Сигора, напротив, мыслятся как путь праведника Лота, знаменующего торжество преодоления земного притяжения во имя спасения души. История Лота и его жены, запечатленная в предметных образах, явлена у святого как событие личной жизни и одновременно жизни каждого человека с его трагедией греха, покаянием и личным преображением.

Образы Лотовой жены, соляного столпа и связанный с ними мотив оглядывания определяет ветхозаветную ценностную картину мира в памятниках житийной литературы. Так, в «Житии и страдании святого мученика Севастиана и дружины его» в изложении святителя Димитрия Ростовского образ окаменевшей Лотовой жены упоминается в поучительной проповеди подвижника, обращенной к братьям-христианам Маркеллину и Марку. Видя, как воины Христовы под влиянием слезных уговоров своих родителей-язычников, жен и детей увлекаются греховными помыслами и начинают сомневаться в своем намерении пострадать за Христа, Севастиан вразумляет их: «... не обращайтесь же назад, как жена Лота, чтобы не сделаться бездушным столпом, ибо тем погубите свои души» [5]. Духовная сила проповеди Севастиана убеждает братьев идти на мученический подвиг и потрясает всех присутствовавших силой сказанных слов.

Те же назидательно-предупреждающие интонации звучат в «Житии и хождении Даниила, игумена русской земли». Перечисляя места своего пребывания, связанные с событиями Ветхого и Нового Завета, игумен Даниил сообщает о своем посещении Сигора, где видел своими глазами «гроб Лота и двух его дочерей, в двух гробах» и соляной столп его жены в двух верстах от Содома как предупреждающий знак на пути к нечестивому месту. «Ногами своими не мог дойти до Содомского места, боясь иноверцев, – вспоминал игумен. – И не советовали мне туда пойти правоверные люди, говорили они: «Ничего вы там доброго не увидите, но только муку; смрад исходит оттуда, только заболете от смрада того злого» [6]. Спасая свою душу и не оглядываясь назад, поспешили Даниил и паломники к месту Авраама, где поклонились святым местам и отдохнули два дня. В хождении Даниила географические реалии образуют сакральное пространство, библейские реликвии которого воссоздают многозначительную картину нравственного падения и восхождения человеческой личности от греха к святости. Как и в Великом покаянном каноне, диалог между библейским источником и житиями выявляет общую смысловую направленность в понимании образа Лотовой жены, а ветхозаветные интертексты раскрывают культурологическую и создающую роль «чужого», выступающего вариацией «своего» в житийной литературе.

Образ соляного столпа определяет базовый тезис самого древнего «Устава отшельнической жизни», составленного Антонием Великим – удаление от мира без оглядки на прошлое. Эта ключевая мысль определяет самые «сильные» позиции аскетического текста: уходя в пустыню или келью, «не возвращайся в город, в котором некогда грешил ты пред Богом» и «не ходи смотреть, как живут родные твои, и им не позволяй приходить смотреть, как живешь ты»; «Удаляясь от молвы житейской, уединись, и будешь странник» и «не возвращайся вспять с пути уединения твоего» [12]. Весь свод правил для духовного восхождения отшельника внутренне аккумулирует смысл испытательной заповеди, данной Богом семье Лота – идя к Свету не оглядывайтесь назад, иначе греховные страсти одолеют и приведут к неминуемой гибели как жену Лота.

Таким образом, в религиозных сочинениях разной жанровой направленности отмечается концептуальная общность в интерпретации образа жены Лота и связанных с ней этических тем, важных для христианского дискурса.

Другой вид диалогических отношений наблюдается в художественных текстах светской литературы, в которых «свое» либо противопоставляется «чужому», либо полемизирует с ним. В этом случае прецедентная ситуация выступает основой для создания нового текста, выражающего авторское сознание, принадлежащее к иному типу культуры и времени.

Новое осмысление знаменитой оглядки ветхозаветного образа отмечается в стихотворении А.А. Ахматовой «Лотова жена» (1924). По справедливому замечанию С.А. Васильева, оно достаточно «сложное и даже парадоксальное для восприятия читателя-христианина» [2]. Неоднозначность читательской рецепции во многом обусловлена диалогическими отношениями между стихотворением и библейской притчей, выстраиваемые Ахматовой по принципу притяжения / отталкивания. Межтекстовое сближение маркируется, прежде всего, эпиграфом («Жена же Лотова оглянулась позади его и стала соляным столпом. Книга Бытия») в виде эксплицированной цитаты. Сильная, закреплённая позиция в начале стихотворения позволяет автору включить в поэтический текст сюжетно-образные мотивы Ветхозаветной истории, аккумулирующие ее собственные смысловые ходы, проявляющие, в свою очередь, существенные расхождения между первичным и вторичным текстами.

Смысловым ядром, определяющим художественный строй ахматовского стихотворения, становится не праведник Лот, уверенно шедший «за посланником Бога», а его жена-грешница. Диалогически заостряя авторский дискурс, Ахматова сознательно игнорирует мотив непослушания Лотовой жены, важнейший для религиозного дискурса, и становится защитницей обвиняемой и наказанной библейской героини. «Адвокат» с душой поэта, противопоставляя «свое» слово «чужому», оправдывает лирическую героиню с точки зрения общечеловеческих гуманистических ценностей. Запретный взор Лотовой жены она мотивирует памятью о счастливом прошлом и любовью к родному Содому, обретающему под пером Ахматовой положительные коннотации:

Не поздно, ты можешь еще посмотреть
На красные башни родного Содома,

На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила [1, с. 402].

Концептуальная оппозиция «свое-чужое» в этом поэтическом дискурсе углубляется по ходу развития художественной мысли. На фоне преображенного Содома, больше похожего на Иерусалим, образ несправедливой жены Лота приобретает у Ахматовой ореол героического и трагического одновременно. Находясь между выбором – уйти и спастись, или погибнуть за единственный взгляд, брошенный на родные места, она выбрала второе и жертва ее в авторской рецепции обретает высокий смысл. Грех несправедливой жены Лота модифицируется чуть ли не в «справедливый» грех земной лирической героини, отдавшей жизнь за любовь и верность своей малой родине. Такая поэтическая метаморфоза, провоцирующая на новое видение и переживание ветхозаветного конфликта, вполне может озадачить читателя. В этой связи уместно вспомнить стихотворение «Земной отрадой сердца не теми» (1921), написанное Ахматовой за три года до «Лотовой жены», в котором декларировались совсем иные этические ценности – отречение от земных привязанностей («не пристращайся ни к жене, ни к дому») во имя торжества любви к ближнему («У своего ребенка хлеб возьми, // Чтобы отдать его чужому... // И назови лесного зверя братом»). Однако лирический конфликт, морально-нравственное напряжение между двумя стихотворениями, Ахматовой виртуозно удается разрешить общей поэтической мыслью, устремленной к христианским идеалам. Благодаря финальной части «Лотовой жены», насквозь пронизанной искренним авторским состраданием к чужой боли, обновленный образ ветхозаветной женщины органично включается в парадигму христианских ценностей:

Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце мое никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд [1, с. 402].

По своей форме заключительный катрен, отделенный от основного корпуса стихотворения, сближается с жанром плача с характерными для него признаками скорбных интонаций и взволнованно-слезной патетики. Сопереживая лирической героине, жалея ее, как родную и близкую, Ахматова проповедует одну из важнейших христианских добродетелей – милосердную любовь к человеку грешному и несовершенному. Религиозные чувства, идеи становятся у поэтессы общей философско-этической подоплекой мотивных структур не только двух сопоставленных поэтических текстов, но и многих других стихотворений, входящих в ее разные лирические циклы.

В этом смысле справедливо утверждение Васильева С.А. о том, что в ахматовском стихотворении «речь не идет о какой-либо «полюемике» с библейской книгой или «подмене» ее содержания» [2]. Обращение к ветхозаветной истории поэтессы было не столько литературным, сколько ее мировоззренческим актом.

Исследователи неоднократно указывали на то, что лирические размышления Ахматовой о Лотовой жене не ограничены локальными мотивировками; «я» лирической героини неизбежно трансформируется в «мы», которое соотносится у поэтессы как с чувством собственной греховности, так и нравственным падением своего поколения. «Все мы бражники здесь, блудницы / Как невесело вместе нам», – констатировала она в одном из ранних своих стихотворений. Одновременно образ Лотовой жены становится объектом размышлений поэтессы и в контексте эпохи исторических потрясений 1917 года, когда миллионы людей оказались перед выбором: «уйти из земли сей» или погибнуть. Тема политической эмиграции, чрезвычайно важная для Ахматовой, не покинувшей свою родину, создает дополнительные коннотации для понимания авторской трактовки Лотовой жены.

Ахматовская интерпретация ветхозаветного женского образа близка раздумьям и переживаниям Инны Лиснянской в поэтическом цикле «В пригороде Содомы» (2001), включающим в свою структуру 14 стихотворений. Динамическое варьирование смыслов прецедентной ситуации «жена Лота» и гибели Содомы наблюдается в пятом стихотворении «Где стена крепостная и где глашатая медь?». В поэтическом тексте явно обнаруживается образно-мотивная параллель «Лотовой жене» Ахматовой, которая была для Лиснянской непререкаемым авторитетом, ее нравственным ориентиром. Посвящая своей Музе стихи, она писала: «И я пристаю к ней с вопросами: / Куда и зачем нам идти, / Зачем раскаленными розами / Мы хлещем себе по груди» [7, с.151]. Культурным кодом к дешифровке идейно-тематического содержания стихотворения Лиснянской выступает тот же образный ряд – Лотова жена, соляной столп, Содом, – и связанные с ними мотивы оглядывания, сострадания, вины и памяти. Как и у Ахматовой «ретранслятором» авторского сознания в лирическом произведении Лиснянской становится ветхозаветный образ безымянной женщины, Божья кара которой ставится автором под сомнения и вызывает недоуменные риторические вопросы: «Оглянувшись на прошлое, можно окаменеть, / Как случилось совсем недавно с женою Лота»; «Получается – взгляд назад может стать виной, / А одна слеза – может стелюю стать из соли»; «Неужели на семьдесят градусов поворот / Головы неповинной – великое послушанье?» [7, с. 151]. Лиснянская гораздо в большей степени, чем Ахматова, заостряет противоречие между ветхозаветным текстом-«донором» и текстом-реципиентом, доводя его «чуть ли не до высот библейского богоборческого пафоса» (11). Повелительные интонации, каскад вопросов, содержащих вопросительное местоимение «где» и частицы «разве», «неужели», выражающие авторское сомнение и удивление одновременно, не только создают оппозицию между «своим» и «чужим» в поэтическом пространстве, но и задают полемический тон. Вслед за Ахматовой поэтесса воспринимает поступок Лотовой супруги как подвиг самопожертвования «головой невинной», сохранившей в своей душе верность памяти прошлому. Именно память, осмысливаемая Лиснянской как глубоко нравственное начало,

противостоящее беспамятству, позволяет ей соединить «разнесенные во времени события, устанавливая аналогию будущего в прошлом: разрушенная Троя (Илион), истребление японских городов Хиросима и Нагасаки, являющиеся следствием Божьего гнева на грешников Содомы и Гоморры» [15]. Память открывает ей взгляд и на свою современность как на новый непокаявшийся Содом: «Разве лучше содомских грядущие горожане?» – вопрошает она.

Актуализируя ценностные смыслы ахматовской «Лотовой жены», поэтесса развивает христианские мотивы сострадания с его неумемной болью к чужой беде и собственной вины, рефреном проходящей через многие ее стихи: «Я греховней супруги Лотовой в тыщу раз – / Но вопросы мои заметут, как следы на дороге, – А куда, не скажу...» или «Я всех на земле виноватей / Кто был и кто будет, кто есть». Несмотря на неоднозначный диалог с библейским претекстом Ахматова и Лиснянская сохраняют во «вторичных» поэтических дискурсах христианские основы художественного мира. Образная система и мотивы рассмотренных лирических произведений двух поэтесс, выражают сугубо «женские» мысли и переживания, связанные с любовью к родному дому и семье, добрыми воспоминаниями и милосердием к ближнему. В плане гендерной проблематики небезынтересно было бы изучить библейскую ситуацию «Лотовой жены» и сквозь призму «мужского» стереотипа, что определяет перспективу дальнейшего исследования диалогических взаимоотношений между первичными и вторичными текстами.

Таким образом, библейская притча о Лотовой жене является фактором текстового смыслообразования как в религиозных, так и светских художественных произведениях. Несмотря на различные способы реализации прецедентного потенциала библейского текста, объединяющим началом в жанрах «вторичной» литературы выступает культурно-исторический памятник, сквозь призму которого постигаются вечные законы Бытия, указывающие человеку путь к познанию и обретению себя независимо от исторического времени.

Литература

1. Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.1. – М.: Эллис Лак, 1998. – 968 с.
2. Васильев С.А. Стихотворение А.А. Ахматовой «Лотова жена»: трансформация ветхозаветного образа // III Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. – М., 2005. – С. 143–146. [Электронный ресурс]. // URL: https://ros-vos.net/christian-culture/lit_prav/duh_poisk/ahmatova/1/. (дата обращения: 18.11.2019).
3. Великий канон. Творение святого преподобного Андрея Критского. – М: Издательство Московской Патриархии, 2012. – 287с.
4. Ефимова Д.А. Библейские мотивы и образы в романах У. Голдинга «Повелитель мух» и «Шпиль». – Санкт-Петербург, 2009. [Электронный ресурс]. // URL: <http://cheloveknauka.com/bibleyskie-motivy-i-obrazy-v-romanah-u-goldinga-povelitel-muh-i-shpil>. (дата обращения: 18.11.2019).
5. Житие и страдание святого мученика Севастиана и дружины его в изложении святителя Димитрия Ростовского. [Электронный ресурс]. // URL: <https://idrp.ru/content/article/zhitiya-svyatih-lib1527/>. (дата обращения: 18.11.2019).

6. Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли. – [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/zhitie-i-hozhdenie-igumena-daniila-iz-russkoj-zemli/. (дата обращения: 18.11.2019)
7. Лиснянская И. Л. Шкатулка: в которой стихи и проза. – М.: Рус. мирь: Московский учебник, 2006. – 480 с.
8. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 2-х т. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 704 с.
9. Мейлах М. Б. Поэзия и миф. Избранные статьи. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. – 1056 с.
10. Орлова Н. М. Прецедентные феномены библейского истока в русской филологической традиции // Вестник ТГУ. – 2008. – Вып.5 (61). – С.196-199.
11. Полищук Д. Как дева юная, темна для невнимательного света // Новый мир. – 2002. – № 6. – С. 171-180. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2002_6/Content/Publication6_3711/Default.aspx. (дата обращения: 18.11.2019).
12. Преподобный Антоний Великий. Устав отшельнической жизни. [Электронный ресурс]. // URL: http://www.k-istine.ru/library/antoniuy_velikiy-04.htm. (дата обращения: 18.11.2019).
13. Ремпель Е.А. Библейские речения, сюжеты и мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина: «История одного города», «Господа Головлевы», «Пошехонская сторона». – Автореф. дис... канд. филол. наук. – Саратов, 2004. – 22 с. – [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.dissercat.com/content/bibleiskie-recheniya-syuzhety-i-motivy-v-tvorchestve-me-saltykova-shchedrina-istoriya-odnogo>. (дата обращения: 18.11.2019).
14. Собрание творений преподобного Иустина (Поповича) / Под ред. проф. Моск. Духовн. Акад., д-ра церк. истор. А.И. Сидорова. – Т.2. – М.: «Паломник», 2006. – 602 с. [Электронный ресурс]. // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Iustin_Popovich/sobranija-tvorenij-tom2/3. (дата обращения: 18.11.2019)
15. Фетисова Е. Э. Творчество И. Лиснянской в контексте неоакмеизма // Философия культуры. – 2017. – № 1. – С. 86-97. [Электронный ресурс]. // URL: https://enotabene.ru/fr/article_18800.html. (дата обращения: 18.11.2019)
16. Шалков Д.Ю. Библейские образы и мотивы в творчестве В.В. Маяковского 1912–1918. – Ростов – на – Дону, 2008. [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.dissercat.com/content/bibleiskie-motivy-i-obrazy-v-tvorchestve-vv-mayakovskogo-1912-1918-godov-0>. (дата обращения: 18.11.2019)
17. Шубин С.Н. Библейские образы и мотивы в любовной коллизии в романе И.А. Гончарова «Обломов» // И. А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова – Ульяновск: ГУП «Обл. тип. “Печатный двор”», 1998. – С. 170-180.

T.A. Savoskina
LOT'S WIFE CHARACTER
IN THE «SECONDARY» LITERATURE GENRES

Annotation. The article represents the investigation of the dialogical links between the Old Testament legend about Lot's wife and the genres of "secondary" literature. The ratio of "own" and "alien" in the genres of religious literature is analyzed and the poetic genres of the twentieth century secular literature. The motives of the outcome, looking back and petrification in the biblical text and recipient texts are considered. It is summarized that the “secondary” text either preserves the biblical pretext as a cultural value with its ethical dominants, or it is transformed by acquiring new connotations due to the author’s consciousness of his time.

Keywords: Lot's wife; Old Testament pretext; recipient text; "Secondary" literature; dialogic relations; the opposition "own" – "alien"; author's consciousness.

УДК 821.161.1.09

И.В. Кудряшов, О.Б. Сидорова (Арзамас)

**АЛЁНА АРЗАМАССКАЯ:
ОТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОБРАЗУ**

Аннотация. В статье анализируется мифологизированный в русской литературе образ Алёны Арзамасской. Авторы приходят к выводу, что на пути от исторической личности к литературному мифу образ Алёны Арзамасской претерпел значительные изменения из-за существующей необходимости у народа в ярком воплощении национального духа, заключающего идею значимой роли женщины в русской истории и культуре.

Ключевые слова: Алёна Арзамасская; народное предание; миф; мифотворчество; мифопоэтика.

Известно, что искусство представляет собой особенное, специфическое художественное содержание, в структуре которого важное место занимает понятие «образ». Согласно мнению литературоведа И.Ф. Волкова, художественный образ представляет собой «систему конкретно-чувственных средств, воплощающую собой собственно художественное содержание, то есть художественно освоенную характерность реальной действительности» [3, с. 75]. Следовательно, всякому образу в литературе присуща двучленность, которая позволяет связывать неоднородные явления действительности и художественности в единое целое, тем самым создавая миф, которому свойственна трансформация объекта мира предметного (реального) и преобразование его посредством выявления нового символического содержания. Такая мифологизация обнаруживается, например, в литературном образе Алёны Арзамасской, источником которого послужила конкретная историческая личность темниковской «старицы-разбойницы». Она – один из самых известных участников восстания под предводительством Степана Разина – стала ярким примером как историографического мифотворчества, под которым следует понимать «вымышленный или превратно истолкованный ради неких сознательно намеченных целей исторический факт, который в силу его повторяемости закрепился в научной литературе и общественном сознании» [1, с. 46], так и имеющего богатую традицию национального литературного мифотворчества. Обратимся к анализу мифопоэтической составляющей образа Алёны-старицы и отметим наиболее яркие черты, позволяющие отнести его к объектам мифопоэтического порядка.

Алёна Арзамасская (второе ее имя – Темниковская) стала преданием, народной историей, которая уже несколько поколений передается из уст в уста. Имя Алёны Арзамасской неразрывно связано с именем Степана Разина, в народное предание о котором вошло эмоционально-экспрессивное упоминание